

АНАЛИТИКА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-231-259

УДК 821.1 61.1+330.8

К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ПРОГРЕССА (ОБРАЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII–XIX ВВ.)

Донских Олег Альбертович,

доктор философских наук, профессор, PhD (Monash, Australia)

заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета

экономики и управления «НИИХ»,

Россия, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56;

профессор кафедры философии

Новосибирского государственного технического университета,

Россия, 630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20;

профессор кафедры источниковедения литературы и древних языков

Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

ORCID: 0000-0001-7297-9754

Researcher ID: B-5328-2018

AuthorID (РИНЦ): 313804

SPIN-код (РИНЦ): 3205-7470

olegdonskikh@yandex.ru

Аннотация

В статье на материале произведений отечественных поэтов XVIII–XIX вв. представлено отношение к разным аспектам экономической жизни. Жестко различавшаяся по жанрам поэзия в целом не отражала специфику экономических отношений. Исключение составляли лишь сатирические произведения, авторы которых критиковали, в первую очередь с моральной стороны, отдельные аспекты обыденной жизни, в частности практику откупов. Тем не менее поэты не обходились без замечаний по поводу социально-экономического разделения общества на отдельные группы, значения определенных властных решений для развития хозяйства страны и, конечно, по поводу роли денег и торговли в развитии общества в целом и в конкретной человеческой жизни. В отдельных стихотворениях можно найти любопытные указания на международную торговлю, развитие которой, особенно в царствование Екатерины II, привело к тому, что некоторые поэты приветствовали прогресс и даже характеризовали это время как золотой век. Показано, как меняется оценка эпохи в XIX в., как золотой век трансформируется в железный. Возрастает роль экономических и социалистических теорий в жизни общества. Поэт XIX в. спускается с позиции

внешнего наблюдателя на грешную землю и с ужасом обнаруживает себя во власти денег и соответствующих интересов. Это производит негативное влияние на мораль, подчиняя денежным отношениям все человеческие стремления и огрубляя душу. Рассматриваются споры по поводу прогресса между лириками и нашими вполне прямолинейными западниками. Определенный итог общественной ориентации на чисто экономические отношения и связанный с ней технический прогресс подводит Александр Блок в поэме «Возмездие».

Ключевые слова: русская поэзия, притчи, золотой век, железный век, промышленное развитие, прогресс, деньги, торговля.

Библиографическое описание для цитирования:

Донских О.А. К железному веку прогресса (Образ экономической жизни в русской поэзии XVIII–XIX вв.) // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 2. – С. 231–259. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-231-259.

Не на Парнасе сидят наши Музы, не среди их, в небесах и в снегу, обитает наша словесность. Я представляю ее себе владельницею ломбарда: здесь, на престоле из ассигнаций, восседает она, со счётами в руке.

С. Шевырев. Словесность и торговля.

Коммерция, торговля и промышленность по своему содержанию не подпадают под канонические поэтические жанры. Однако полностью избежать упоминания отдельных деталей экономической жизни невозможно, особенно в жанрах «посредственного» и «низкого» стилей (по терминологии М.В. Ломоносова). Очень показательно, что, например, у М.Д. Чулкова, автора семитомной истории российской коммерции¹, в стихах нет никаких намеков на экономические реалии. Нет их и у ряда других выдающихся поэтов XVIII века, включая В.П. Петрова, Я.Б. Княжнина, М.Н. Муравьева. Очевидно, что это определяется не отсутствием интереса, а спецификой литературной традиции. В поэтические жанры экономика как таковая не вписывалась. Тем не менее отдельные образчики повседневности, характеризующие современную нашим классикам экономическую жизнь, рассыпаны в баснях А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, И.И. Хемницера и др. Поэты XVIII в., как правило, приветствуют повышение экономической активности или, например, критикуют пресловутую практику откупов. Но в отдельных редких случаях экономическая тема становится и предметом поэтического вдохновения. Уже со второй четверти XIX в.

¹ Оригинальное название «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой».

обсуждение экономических реалий и их влияния на духовную жизнь общества становится всё более и более заметным явлением в литературе. В 1835 г. в «Московском наблюдателе» появляется программная статья С. Шевырева «Словесность и торговля», из которой взяты в эпиграф настоящей работы очень показательные строки.

В предлагаемой статье делается попытка увидеть отечественную экономическую жизнь глазами наших замечательных поэтов за два века, начиная с петровского времени.

В высоких жанрах поэзия занята устроением духа, прозы жизни она или не касается вовсе, или задевает ее лишь случайным образом. Действительно, о какой брэнной жизни можно говорить, читая Сумароковскую «Оду на суету мира»?

*«Доколе дряхлостью иль смертью не увяну,
Против пороков я писать не перестану».*

И о каком отражении реальности можно говорить, если сельская жизнь описывается им по идиллическим канонам?

*«Уже восходит солнце, стада идут в луга,
Струи в потоках плещут в крутые берега.
Любезная пастушка овец уж погнала
И на вечер сегодня в лесок меня звала».*

Проще говоря, материальная жизнь в ее деталях не вписывается прямо в поэтический дискурс, особенно при строгом следовании жанровым канонам.

Тем не менее, по крайней мере, три темы вырисовываются хотя и нечасто, но довольно отчетливо. Это 1) социально-экономическое разделение общества на отдельные группы, 2) значение экономических теорий и соответствующих властных решений для развития хозяйства страны и 3) роль денег и торговли, в частности международной. Понятно, что эти темы развиваются в первую очередь в таких жанрах, как сатира и басни (притчи). Первые две темы естественным образом уводят нас к политике и праву, поэтому акцент будет сделан на третьей теме. Первые две при всей их важности будут сначала затронуты лишь попутно, постепенно приобретая всё большее значение в поэзии следующего века.

Уже у Антиоха Кантемира в Сатире II «На зависть и гордость дворян злонравных» можно обнаружить такие строки: «Тянешься уж час-другой, не жишись, сжидая Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая» [15, с. 71]. В примечаниях поэт поясняет: «Пойло, что шлет Индия. Кофе или шоколад. Лучший

кофе приходит из Аравии, но и во всех Индиях тот овощ обилен. Всем уж у нас известно, что тот овощ, сжарив, смолов мелко и сваря в воде, вместо завтрака служит, и прихотливым – в забаву после обеда. Шоколад есть состав из ореха, какао называемый, который растет в Индиях Западных, из сахару и из ванили, другого пахучего овоща той же Индии. Тот состав варят в воде или молоке, и пока варится оный, часто болтают, чтоб пить горячий с пеною, и то пошло вместо завтрака принимается во всей почти Европе... Иль везут с Китая. Сиречь чай. Всем известно же, что лучший чай (пахучий и вкусный листок древа, так называемого) приходит из Китая и что, того листика вложив щепень в горячую воду, вода та становится, приложив кусок сахару, приятное пошло» [15, с. 81–82]. Таким образом, к известной китайской торговле чаем прибавляется импорт какао и ванили из «Индии» (судя по примечанию, имеется в виду Вост-Индия, поскольку европейцы познакомились с шоколадом благодаря ацтекам) и импорт кофе из Аравии. По поводу чая и кофе у Державина в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» читаем «...и парь Повѣтъ съ дома мнѣ манжурской иль левантской, Иду за круглый столъ» [10, с. 653]. Здесь «манжурский» пар – чай, «левантский» – кофе.

В замечательном описании жизни барина в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» рассыпаны и другие замечания по поводу экономической стороны русской жизни. Так, Державин говорит не только об известных продовольственных товарах вроде «донских и крымских вин» или стерлядей, но и о самом барском хозяйстве с его скотнями, пчельниками, птичниками и прудами. Кроме того, Державин упоминает о небольших суконной и ковровой фабриках («Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей, Принюсятъ разныя полотна, сукна, ткани, Узорныя образцы салфетокъ, скатертей, Ковровъ и кружевъ и вязани»), о красильне и кузнице («Иль какъ на лень, на шелкъ цвѣтъ, пестрота и лоскъ, Въ прелести, красы, берутся съ поль царицы»; Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алыи воскъ, Куется въ бердыши милиць»), о лесопилке, где пила приводится в движение паром («Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ льетъ, И, движа машину, древа на доски дѣлитъ, Какъ сквозь чугуныи парь столповъ на воздухъ бьетъ; Клокоча, огонь толчетъ и мелетъ»), о прядильной машине («Иль любопытны, какъ бумажны руны волнь Въ лотки сквозь игль, колесъ, подобно снѣгу льются Въ пушистыи локонахъ, и тьмы вдругъ веретень Марфиной рукой прядутся»²). У Державина в усадьбе были приобретенные за границей телескоп и фортепиано (которое он называет «тихогромом»). Будучи просвещенным барином, Державин использует в своем вполне традиционном по духу поместье заграничные машины и механизмы. Интересно, что Державин ощущает гармонию природы и машин, что представлено у него в

² Стихи Державина даются по изданию [10]. В своем объяснении Державин пишет: «Императрица Марія Теодоровна выписала изъ Англии прядильную машину, на которой одинъ человекъ болѣе нежели на сто веретенахъ можетъ прясть» [10, с. 640].

примечании к оде «Водопад», когда говорит о «дикой гармонии». Строки, к которым сделано примечание, следующие: «*Стукъ слышень млатовъ по вѣтрамъ, Визгъ пиль и стонъ мѣховъ подъемныхъ*³».

В баснях («притчах») встречаются указания на то, что денежные отношения выступают в качестве средства перераспределения собственности, а торговля еще и служит социальным лифтом. Так, в сатире «О честности» у А.П. Сумарокова можно встретить такие любопытные детали:

*«Тот, карты подбрав, безумного обманет
И на кредит ему реванж давати станет,
И, вексельно письмо с ограбленного взяв,
Не будет поступать по силе строгих прав
И подождет ему три дни великодушно».*

Там же о ростовщичестве:

*«Почтен и ростовщик над деньгами в клетки,
Что со ста только взял рублей по десяти
И другу услужил, к себе напомнив службу,
Дереvню под заклад большую взяв за дружбу»* [30, с. 167–168].

В знаменитой сатире «Хор ко превратному свету» (1763 г.) про синицу, которая удивляется странностям «превратной» заморской жизни, Сумароков отмечает и взятки, и несправедность судов, и пустое хранение денег вместо того, чтобы пустить их в оборот, и другие особенности отечественной жизни:

*«За морем в подрядах не крадут;
Откупы за морем не в моде,
Чтобы не стонало государство.
“Завтрем” там иста не питают.
За морем почетные люди
Шеи назад не загигают,
Люди от них не погибают.
В землю денег за морем не прячут,
Со крестьян там кожи не сдирают,
Дереvень на карты там не ставят,
За морем людьми не торгуют»* [30, с. 223–224].

³ «Хотя Кончезерскій заводъ лежитъ отъ сего водопада около 40 верстъ, но въ сильную погоду по вѣтру слышно иногда бываеть дѣйствіе заводскихъ машинъ, которыя, смѣшавшись съ шумомъ подъ, дикую нѣкую составляли гармонию, которую авторъ самъ слышалъ, ибо онъ, будучи губернаторомъ въ сей губерніи, видѣлъ сей водопадъ, нарочно его обозрѣвая» [11].

В притче «Пир у льва» А.П. Сумароков пишет про не слишком чисто-плотно живущих львов:

*«А львы живут нескудно,
Так это чудно.
Подобны в чистоте жилищ они чужнам
Или посадским мужикам,
Которые в торги умеренно вступили
И откупами нас еще не облупили
И вместо портупей имеют кушаки,
А кратче так: торговы мужики»* [30, с. 239].

Эти самые «торговы мужики» становятся откупщиками и входят в общество:

*«Каков стал горд осел, на что о том болтать?
Легохонько то можно испытать,
Когда мы взглянем
На мужика
И почитать станем
Мы в нем откупщика,
Который продавал подовые на рынке
Или у кабака,
И после в скрынке
Богатства у него великая река,
Или, ясней сказать, и Волга и Ока,
Который всем теснит бока,
И плавает, как муха в крынке,
В просторном море молока»* [30, с. 231–232].

Отношение Сумарокова к тому, что люди поднимаются из грязи в князи и начинают кичиться своим новым положением, негативно, но в первую очередь с моральной точки зрения. Более детально деятельность откупщика представлена в притче А.А. Ржевского «Волк-откупщик», где волк дорого покупает у пастуха овечью шерсть за право стричь овец по своей воле. В результате стриженое не вовремя овечье стадо погибает от морозов. На упреки пастуха волк отвечает:

*«Мой друг, я шерсть на то и откупал,
Чтоб я разбогател, а ты бы беден стал.
Я ту-то откупом и пользу получаю,*

*Что сам я богачусь, а прочих разоряю.
Не будешь шерсти ты теперь уж продавать,
Так я уж впятеро за шерсть-то буду брать» [28, с. 343].*

Критическую линию в отношении денег и порождаемой ими жадности продолжает Д.И. Фонвизин, который считает, что деньги портят людей, превращая их в сребролюбцев и заставляя терять чувство стыда по отношению друг к другу. Это красочно выражено в известном «Послании к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (1764 г.):

*«Да, сверх того, еще заметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кащеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги – дворецкого, дворецкие – господ,
Друг друга – господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки желятся, плодятся, умирают,
А пастыри при том карманы набивают.
За деньги чистые прощают всякий грех,
За деньги множество в раю сулят утех.
Но если говорить на свете правду можно,
То мнение мое скажу я вам неложно:
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!» [32, с. 211].*

В переведенной басне датского писателя Голберга «Экономический совет» Фонвизин дает свой рецепт грамотного употребления денег: «Молодой человек, получа в наследство некоторую сумму денег, спрашивал философа, что ему начать с ними? Который так ему отвечивал:

– Старайся сохранить деньги твои, отдавая оные заимодавцам, а доход, получаемый с того, употребляй на свое содержание; остаток же оного отдавай бедным людям, ибо промотать деньги или совсем их не употреблять будет равномерно тебе бесполезно.

Философ, утверждая свое мнение, рассказал следующий пример:

– Некоторый человек оставил трем своим детям значную сумму денег. Большой сын, которого склонность состояла в искании большой себе значности, не щадил своего имения и чрез неумеренную щедрость получал он ежедневно новые чины и произведения, так что достиг он высшей степени достоинства, лишаась совсем своего имения. Другой сын, которого главная склонность была к роскоши, расточал все свое имение, лишился чрез то своего здоровья и умер потом скоропостижно. Третий сын, которого склонность была к скупости, старался ежедневно сохранить свое имение, а никому добра не делал. По смерти их написали им следующую надгробную надпись: Здесь лежат три брата, из которых один лишился жизни от честолюбия, другой от роскоши, а третий от скупости» [32, с. 373].

В противоположность названным поэтам, И.Ф. Богданович оставляет в стороне моральный аспект и утверждает пользу денег, которые являются двигателем экономической жизни. В своих «Стихах к деньгам» (1783 г.) он пишет, что деньги стали известны со времен Орфея, и подобно тому как кифара Орфея заставляла все двигаться вокруг себя, так и деньги приводят все в движение:

*«Тогда произвелась ходячая монета
И стала колесом вертящегося света.
Движенье новое земной воспринял шар,
За деньги всякий всем даваться стал товар;
Тогда осыпалась земля сребром и золотом,
Богатый без родства богатому стал братом;
Не то ли век золотой, известный нам в стихах,
Который и поднесь хранится в кошельках?
И некто написал, что стали человеки
В железных сундуках хранить золотые веки» [8, с. 168].*

Критик Богдановича Батурин указывал на то, что деньги возникли раньше Орфея и были уже в Египте⁴; Богданович в ответ заметил, что поэтическая вольность вполне допускает такую неточность.

Идея золотого века, который пришел вместе с торговлей и экономическим развитием, замечательно обыгрывается И.А. Крыловым в «Послании о пользе страстей» (1808 г.):

*«Поверь же мне, поверь, мой друг любезный,
Что наш золотой, а тот был век железный,*

⁴ И.З. Серман в комментарии к стихотворению пишет: «Батурин оспаривал легенду о происхождении денег, изложенную в стихотворении Богдановича. Батурин указывал, что золотые деньги были уже у египтян, то есть, по его мнению, много раньше, чем жил Орфей» [8, с. 237].

И что тогда лишь люди стали жить,
Когда стал ум страстям людей служить.
Тогда пути небесны нам открылись,
Художества, науки водворились;
Тогда корысть пустилась за моря
И в ней весь мир избрал себе царя.
Тщеславие родило Александров,
Гальенов страх, насмешливость Менандров;
Среди морей явились корабли;
Среди полей – богатыри-полканы;
Там башни вдруг, как будто великаны,
Встряхнулись и встали из земли,
Чтоб вдаль блистать верхами золотыми.
Расстались с зверями люди злыми,
И нужды, в них роями разродясь,
Со прихотью умножили их связь;
Солдату стал во брани нужен кесарь,
Больному врач, скупому добрый слесарь.
Страсть к роскоши связала крепче мир.
С востока к нам – шелк, яхонты, рубины,
С полудня шлют сыры, закуски, вина,
Сибирь дает меха, агат, порфир,
Китай – чай, Левант нам кофе ставит;
Там сахару гога, чрез океан
В Европу мчась, валы седые давит⁵.

Искусников со всех мы кличем стран.
Упомнишь ли их всех, моя ты муза?
Хотим ли есть? – Дай повара француза,
Британца дай нам школить лошадей;
Женился ли, и бог дает детей,
Им в нянюшки мы ищем англичанку;
Для оперы поставь нам итальянку;
Джонсон – обуй, Дюффо – всчеши нам лоб,
Умрем, и тут – дай немца сделать гроб.

Различных стран изделия везутся,
Меняются, дарятся, продаются;

⁵ В новой (незаконченной) редакции у Крылова здесь «В Америке трудится бездна рук, Из тростника даря приятны соки, И сахаром в Европу шлет оброки, Чтоб наших бар умножить пухлый тук...» [17, с. 550].

*Край света плыть за ними нужды нет!
Я вкруг себя зрю вкратце целый свет.
Тут легка шаль персидска взор пленяет
И белу грудь от ветра охраняет;
Там английской кареты щегольской
Чуть слышен стук, летя по мостовой.
Все движется, и все живет меной,
В которой нам указчик первый страсти.
Где ни взгляну, торговлю вижу я;
Дальнейшие знакомятся края;
Знакомщик их – причуды, роскошь, сласти» [17, с. 307–309].*

Картину жизни отдельной усадьбы, которую описал Державин в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская», Крылов дополняет картиной столичной жизни с ее широкими торгово-экономическими связями, с приехавшими в Россию иностранными мастерами. И с этой точки зрения век выглядит если уж не совсем золотым, то по крайней мере позолоченным.

Но для того чтобы в отечестве цвели науки и искусства, развивалась промышленность, необходимы справедливая система правосудия и грамотная государственная политика. Еще М.В. Ломоносов в «Оде на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» писал:

*«Сия тебе единой слава,
Монархия, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки!
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.
Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;*

*Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук»* [19, с. 202–203].

В «Письме о пользе стекла» (1752 г.), которое фактически является гимном науке и одним из первых русских образцов научной поэзии, получившей к тому времени развитие в Европе, Ломоносов говорит и о развитии промышленности, и о необходимости расширения международных связей:

*«Европа ныне в то всю мысль свою вперила
И машины уже пристойны учредила.
Я, следуя за ней, с Парнасских гор схожу,...
Елисаветина повсюду похвала
Гласит премудрости и щедрости дела.
Златые времена! О кроткие законы!
Народу Своему прощает миллионы
И пользу общую отечества прозря,
Учению велит расширяться в моря»* [19, с. 521, 522].

В этом отрывке два важных намека. Во-первых, на то, что в декабре 1752 г. Ломоносову было разрешено «завести фабрику для делания разноцветных стекол, бисеру, стеклярусу и других галантерейных вещей», и, во-вторых, 15 декабря «был издан манифест о сложении недоимок подушного сбора, накопившихся за время с 1724 по 1747 г.» [19, с. 1004, 1008].

В том же ключе читаются похвалы Державина Екатерине II в «Фелице»:

*«Фелицы слава – слава бога, ...
Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разръшаетъ
И льсъ рубить не запрещаетъ;
Велитъ и ткать и прясть и шить;
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить»* [9, с. 147].

Екатерина обращала свой взор на восток. В стихотворении «Мой источник» (1794 г.) у Державина есть строки «Доступимъ міра мы средины,⁶ Съ Ган-

⁶ Здесь «Средина мира» – Константинополь.

геса злато соберемъ, Гордыню усмиримъ Китая, Какъ кедръ нашъ корень утверждая,
и в своем объяснении этих строк он пишет: «*Императрица одинъ разъ высказала въ своемъ восторгѣ, что она не умретъ прежде, докуда не выгонитъ изъ Европы Турокъ, т. е. не достигнетъ мѣра середины, не учредитъ торга съ Индией или съ Гангеса злато не сберетъ и гордыню не усмирить Китая*» [9, с. 619].

Одическое отношение к монарху, когда поэт подчеркивает его лучшие устремления и подменяет реальность идеализацией («*Гдѣ совѣсть съ правдой обитаютъ? Гдѣ добродѣтели сияютъ? У трона развѣ твоего!*»), в баснях сменяется на критическое. Попытка стать на позицию монарха тут же обнаруживала, что желания и реальность далеко не всегда совпадают. Так, у И.И. Дмитриева в басне «Царь и два пастуха» (1802 г.):

*«Какой-то государь, прогуливаясь в поле,
Раздумался о царской доле.
“Нет хуже нашего, — он мыслил, — ремесла!
Желал бы делать то, а делаешь другое!
Я всей душой хочу, чтоб у меня цвела
Торговля; чтоб народ мой ликовал в покое;
А принужден вести войну,
Чтоб защищать мою страну.
Я подданных люблю, свидетели в том боги,
А должен прибавлять еще на них налоги;
Хочу знать правду — все мне лгут”»* [12, с. 228].

Таким образом, поэты не только совершенствовали русский язык (а именно поэты, писатели и переводчики XVIII в. усовершенствовали и подготовили язык для золотого века русской литературы), но и дали в своем творчестве литературно отрефлектированное представление о некоторых экономических особенностях жизни нашего отечества. При этом сам поэт остается вне общественных отношений, он смотрит на мир с божественной высоты своего призвания. Хотя и говорил Державин, что нельзя числить пророком того, кто только «рифмы может плести», именно такая отчужденная позиция характерна для всего XVIII в. Клеймя общественные пороки, поэт остается над схваткой.

В XIX в. ситуация довольно быстро меняется. Поэт начинает осознавать себя лично включенным в экономическую жизнь, и от этого он чувствует себя неуютно, поскольку не может уже удерживаться на позиции внешнего наблюдателя. Экономическая зависимость воспринимается как мощное и неумолимое давление извне. Это и определило отношение поэтов к XIX в. как к веку «железному». Если для Богдановича и Крылова золотой век — это современность, противопоставленная первобытности, то

для поэтов первой половины XIX в. понятие «золотого века» возвращает нас к античным идиллиям, временам простоты и чистых отношений. А в XIX в. поэт, житель Парнаса, свободный как ветер, орел и сердце девы, оказывается в цепях денежных расчетов и жестких руках продавцов книг⁷. Возникает тема коррупции самого Парнаса и его свободных обитателей. Еще в 1824 г. Баратынский в стихотворении «Богдановичу» говорит о том, что век Богдановича был лучше: «Ты в лучшем веке жил. Не столько просвещенный, Являл он бодрый ум и вкус неразвращенный» [3, с. 57]. А сейчас уже нет тех, кто мог бы судить о настоящей поэзии. Народ имеет только

*«Особенных судей, которые его
В листах условленных и в цену приведенных
Снабжают мнением о книгах современных!
Дарует между нас и славу и позор
Торговой логики смысленный приговор»* [3, с. 58].

У Пушкина железный век – важный мотив, к которому он возвращается несколько раз⁸. Во-первых, в том же году, когда Баратынский пишет «Богдановичу», Пушкин пишет «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824 г.):

*«Внемлите истине полезной:
Наш век – торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? – Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!»* [25, с. 194].

Парадоксально: страсть к золоту превращает золотой век в век железный. По поводу выхода в свет книги «Стихотворений барона Дельвига» (1829 г.) Пушкин написал: «Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы? В веке железном, скажи, кто золотой угадал?..» [27, с. 111].

*«Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман наш продолжать,
II строгой век, расчета век железный,
Рассказами пустыми угощать»* [26, с. 356].

⁷ Вообще отражению экономики в поэзии XIX в. посвящен ряд исследований, и в данной статье нет смысла повторять их выводы и наблюдения. См.: [34], [2], [36], [20].

⁸ Об эпитете «железный» и его значениях в русской поэзии XIX в. см.: [35, с. 21–23].

Именно в таком ключе и был переосмыслен нашими поэтами и критиками миф о смене веков, как он представлен Овидием в «Метаморфозах», переведенных в 1835 г. Переводчик (М. Деларю) так передает текст Овидия:

*«Последний был твердый железный.
В век сей, из худшей руды сотворенный, ворвались внезапно
Все беззакония; стыд же, и правда, и честность исчезли.
Место их заступили тогда и обман, и коварство,
Разные козни, насильство и гнусная склонность к стяжанию»* (цит. по: [35, с. 23]).

В таком контексте и появляется известное стихотворение Баратынского «Последний поэт» (1835 г.):

*«Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы!»* [3, с. 274].

Практицизм, ориентация на выгоду убили поэзию свободы и, следовательно, человеческого существования. И.В. Киреевский в программной статье «Девятнадцатый век», которой открывался новый его журнал, писал, что поэзия раньше возвышала жизнь, но в веке девятнадцатом она подчиняет себя материальной стороне жизни: «Человек нашего времени уже не смотрит на жизнь как на простое условие развития духовного, но видит в нем вместе и средство, и цель бытия, вершину и корень всех отраслей умственного и сердечного просвещения» [16, с. 19]. Для поэзии и литературы в целом это означает, что читатель постепенно превращается в покупателя, а оценка литературных достоинств всё больше и больше опосредуется ценой. Талант меняется на деньги, поэт становится обеспеченным человеком и предпринимателем: «...Литература наша сыта, дает обеды, живет в чертогах, ходит по коврам, ездит в каретах, в лаковых санях, кутается в медвежью шубу, в бекешь с бобровым воротником, возвышает голос на аукционах Опекунского совета, покупает имения!.. Настал если не золотой, то самый сытный век нашей литературы» [33]. Не «золотой», потому что ушло независимое творчество.

Любовь к золоту сделала век продажным, лишенным вдохновения и достойным гибели. Об этом в избыточно-романтическом стиле пишет Н.В. Кукольник:

*«Погибни, златодушный мир,
Высоких помыслов пустыня!
Не сребролюбия ль кумир
Твоя единая святыня?
Не мзда ли – царь в твоей земле?
Пред распаленными очами
Не гидра ль движется во мгле
Бесчисленными головами
И жаждет мзды за пенязь свой?
Смотрите, взор их златом блещет,
Грудь сребролюбием трепещет,
Уста курятся клеветой.
И вам ли слушать песнопенья?..
Прочь, дети смрадные греха!
Для торгашей нет вдохновенья,
Нет ни единого стиха!» [18].*

А позже та же тема, но в ином повороте – пустота и бездушные развлекаются вечным, которое они не могут ни понять, ни оценить, – возникает у К.К. Случевского в «Рауте» (1901 г.):

*«А пестун вечного значенья,
Глашатай чувства всех времен,
Певец, – ведь он для развлечения
За деньги петь здесь приглашен!
Они ему рукоплескали,
И титулованный мирок
С плеча оценивал скривжали,
Которых и прочесть не мог...
Тут вечное ничтожным стало,
Атланта с ног сшибал пигмей...
Корабль! Корабль! Отдай причала
И уплывай – скорей, скорей...» [29, с. 485].*

Происходит осознание различных аспектов влияния эпохи Просвещения, приносящей в жизнь новые идеи и изобретения и меняющей материальную жизнь. Здесь и страх перед машинной цивилизацией (Л.А. Мей),

и сознание того, что материальные изменения идут при отсутствии прогресса в духовном состоянии общества (Н.А. Некрасов), и резкая критика тех, кто полностью замыкает свои интересы на материальном, что прямо ведет к вырождению (А.К. Толстой).

Для Льва Мея промышленный прогресс – это путь к гибели человечества, как он говорит об этом в стихотворении «Дым» (1860?):

*«Дымится фабрика, а здесь – науки храм
А тут – гостинный двор, театры, магазины;
А это-де не дым, а пар – и от машины,
Что, может быть, уйдет за тридевять земель,
В то царство, где никто и не бывал досель,
Где, может быть, и нет, под многотрубной крышей,
Ни вздорных дров, ни дворника с Аришей,
Ни бесприютных вдов; где не бежит из труб
Каким-то узником тюремным дымный клуб
И будто говорит с выси такие речи:
«Нет солнца, холодно, – зато есть плошки, свечи,
Пожалуй, и дрова казенные, и печи...»
В такое царство я с тобой, беглый дым,
Понесся бы теперь под небом голубым...
Да!.. есть глубокий смысл в сравненьи простодушном
Всей нашей жизни сей с тобой, полувоздушным.*

*Да!.. есть глубокий смысл в предании святом,
Из века в век таинственно хранимом,
Что весь наш грешный мир очистится огнем
И в небесах исчезнет дымом» [21].*

В любом случае если даже развитие машинной цивилизации не ведет к гибели, то оно не ведет и к улучшению ни человеческих отношений, ни самого человека. Об этом Н.А. Некрасов в пародийном по форме, но очень серьезном по содержанию «Моем разочаровании» (1851 г.) говорит о том, как рассказчик пытался развивать высокие чувства у своей невесты и что из этого получилось, о пропасти между духовным и материальным – одно дело высокие идеи, другое – обычная жизнь:

*«Я не верил зрению и слуху,
Думал я, не перестать ли жить?
А у ней еще достало духу
Мне пирог проклятый предложить.*

*Вот они – великие идеи!
Вот они – развития плоды!
Где же вы, поэзии затеи?
Что из вас, усилья и плоды?» [22, с. 82].*

Это разочарование простирается у Некрасова и на государство в целом, о чем он говорит в одном из поздних своих стихотворений «Как празднуют трусу» (1870):

*«Новое время – свободы, движенья,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?» [24, с. 173].*

В такой атмосфере и сам человек, который пытается организовать свою материальную жизнь в соответствии с честью и совестью, обречен на непонимание и гибель. В стихотворении «Маша» (1855):

*«Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал,
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!
...
Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел
И, бедняжка! ума не приложит,
Отчего он так скоро сгорел?» [22, с. 140–141].*

Подобные мотивы отсутствия изменений в нашем отечестве, несмотря на прогресс в промышленности, продолжает А.М. Жемчужников в стихотворении «Нашему прогрессу»:

*«Он рос так честен, так умен,
Он так радел о меньших братьях,
Что был Россией задушен
В ее признательных объятьях» [14, с. 113].*

И наиболее жестко и безнадежно в «Скерцо» на гражданские мотивы» (1895 г.):

*«Всё в бедной отчизне
Преступно и глупо!*

*Все веянья жизни –
Как запахи трупа!*

...

*Средь нравственной суши –
Ни чувства, ни мысли;
А честные души*

Разрыхли, раскисли» [14, с. 147, 149].

Разумеется, критики-западники, вполне соглашаясь с негативным образом отечества, не могли принять отрицание прогресса. В.Г. Белинский в критических статьях и Н.А. Добролюбов в сатирических стихах защищают экономическую «прозу жизни», науку и технологию, критикуя противников прогресса за защиту отсталых форм жизни, доказывая необходимость и пользу промышленного развития. Белинский писал по поводу «Последнего поэта» (написанного поэтом, как выражается Белинский, «уже чуждого нам поколения»): «... Настоящий век служит исходным пунктом его мысли; по нём он делает заключение, что близится время, когда проза жизни вытеснит всякую поэзию, высохнут растленные корыстью и расчетом сердца людей, и их верованьем сделается “насущенное” и “полезное”... Какая страшная картина! Какое безотрадное будущее!.. Бедный век наш – сколько на него нападков, каким чудовищным считают его! И всё это за железные дороги, за пароходы – эти великие победы его уже не над материей только, но над пространством и временем! Правда, дух меркантильности уже чересчур овладел им; правда, он уже слишком низко поклоняется золотому тельцу, но это отнюдь не значит, чтоб человечество дряхлело... Если наш век и индустриален по преимуществу, это нехорошо для нашего века, а не для человечества: для человечества же это очень хорошо, потому что через это будущая общественность его упрочивает свою победу над своими древними врагами – материей, пространством и временем» [4, с. 426–427]. (Забавно отметить амбивалентность этого суждения: с одной стороны, Белинский считает, что человек – это совокупность общественных отношений, с другой – что прогресс человечества вовсе не означает прогресса человека как такового.)

Н.А. Добролюбов разделяет взгляды Белинского и представляет их в своих сатирических стихах. Он, например, дает прямой ответ Баратынскому (хотя и через 15 лет) в стихотворении «Не говорите, что певец...» (1850 г.):

*«Поэту деньги не нужны,
Но важны денежки для света,
Поэты ж в свете жить должны;
Так нужны деньги и поэту.*

*Итак, ты презирать не смей
Того, кто просит в награждение
Лишь только несколько рублей
За все свои стихотворенья» [13].*

В стихотворении «Чудесной силою паров» Добролюбов сатирически изображает тот же унижающий душу конфликт между промышленным прогрессом, материальной необходимостью выживания, с одной стороны, и свободой творчества и устремленностью к высшим идеалам – с другой:

*«Идет вперед наш бойкий век
Неудержимыми шагами,
И просвещенный человек
Живет и движется парами...*

*Считая деньги, ум вертится
В водовороте паровом;
А сердце бедное крутится
В борьбе с расчетливым умом.*

*...
Везде господство пошлой прозы,
Нигде поэзии уж нет.
Лишь пароходы, паровозы
Теперь наполнили весь свет.*

*...
Поэты в мире все пропали,
Когда машины развелись;
И все художества упали,
Когда ремесла развились» [13].*

Поэзия в этом аспекте создает определенный образ отечества, и если у Пушкина экономические замечания естественным образом вписываются в контекст повествования, то у Некрасова идет совершенно определенный подбор реалий материальной жизни. Можно сравнить в этом отношении объективность «Евгения Онегина» и критический реализм «Отрывков из путевых записок графа Гаранского» (1853).

Пушкин:
*«Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам*

*За лес и сало возит нам
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет» [27, с. 19].*

Некрасов:
*«Подобно муравью, трудолюбив мужик:
Ни суровости их рук, ни лицам загорелым
Я больше не дивлюсь: я видеть их привык
В работах полевых чуть не по суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы —
Все терпят общую, по их словам, “страду”,
И грустно видеть, как иные бледны, слабы!» [22, с. 123].*

Образ беспросветно несчастной деревни и царящей в ней дикости вполне типичен для Некрасова, хотя в отдельных случаях встречаются и нейтральные замечания, отражающие некоторые важные моменты экономического поведения. Так, в «Крестьянских детях» Некрасов говорит об отхожих промыслах:

*«У нас же дорога большая была:
Рабочего званья люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит» [23, с. 118].*

Подобные замечания можно, конечно, найти не только у Некрасова. В совокупности они дают определенное представление о характере экономики, как это было и в поэзии предшествующего века.

Говоря об экономике, нельзя обойти возрастающую роль экономических и социалистических теорий в жизни общества. Вспомним знаменитое пушкинское упоминание Адама Смита в седьмой строфе первой главы «Евгения Онегина»:

*«Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконом,*

То есть умел судить о том,
 Как государство богатеет,
 И чем живет, и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда **простой продукт** имеет.
 Отец понять его не мог
 И земли отдавал в залог» [27, с. 12]⁹.

А.В. Аникин показывает, что обычное толкование этой строфы (как отсылка к учению физиократов о «чистом продукте», замененном Пушкиным для сохранения размера «простым») является неверным. Ирония Пушкина относится и к отцу Онегина, и к самому Евгению. Аникин дает убедительную трактовку этого места, опираясь на трактовку Маркса: «Для него важнее то, что Онегин представляет высокомерные иллюзии классической школы, а его отец – скептицизм практиков, нутром чующих и на опыте убеждающихся, что пока товар не реализован, он остается для владельца “вещью в себе”. Лишь реализация, продажа товара за деньги (или залог земель, как в случае с Онегиным-отцом) завершает жизненный путь товара» [1, с. 329]. В любом случае важно, что со времен Екатерины II, которая обсуждала вопросы экономики с физиократами, в России растет интерес к экономической теории, Пушкин в лице слушал лекции Куницына, и это находит отражение в поэзии.

В поэзии же обсуждаются и социалистические устремления, построенные на идее о том, что материально-общественные отношения определяют всё остальное. Их высмеивает в своих замечательных сатирах А.К. Толстой. Рациональный, жестко противопоставленный религиозному идеалу, построенный на ориентации жизни на материальное благополучие, убивает радость жизни:

«Иль то материалисты, –
 Невеста вновь спросила, –
 У коих трубочисты
 Суть выше Рафаила?»

Им имена суть многи,
 Мой ангел серебряный,
 Они ж и демагоги,
 Они ж и анархисты.

...

Весь мир желают сгладить
 И тем внести равенство,

⁹ В черновиках было: *Отец с ним спорил полчаса И продавал свои леса* [27, с. 579].

*Что всё хотят загадить
Для общего блаженства!»* [31, с. 309].

Непрямое указание на роль экономических доктрин и их трансформации в жизни можно встретить у К.К. Случевского:

*«Свобода торговли, опека торговли –
Два разные способа травли и ловли:
Всегда по закону, в угоду купцу,
Стригут, так иль так, все ту же овцу»* [29, с. 160].

И, наконец, итог спора о золотом/железном веке и роли экономических теорий в XIX в. подводит Александр Блок. Не вдаваясь в подробный анализ его творчества, просто отмечу, что его негативное отношение к деньгам сформировалось довольно рано. В «Ангеле-хранителе» (1906 г.) он говорит о том, что деньги убивают свободу: *«Кто хочет за деньги лишить меня дня, Собачью покорность купить у меня»* (в первоначальной редакции дальше идет строка *«Кто деньги дает за свободу мою...»*) [5, с. 77, 349]. А в «Плясках смерти» (1912 г.) обнаруживается, что есть два места, кроме кладбища, которые приличествуют мертвецу – банк и сенат (финансисты и политики):

*«Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат ...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят»* [6, с. 22].

Примерно в это же время его сознание обжигает мысль о невероятных возможностях уничтожения людей, которые придут с появлением новых технических изобретений. В «Авиаторе» (1910–1912 гг.) он за несколько лет до Первой мировой войны пишет:

*«Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?»* [6, с. 21].

Но наиболее ярко экономический итог века он подводит в первой главе «Возмездия»:

*«Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!»*

Тобою в мрак ночной, беззвездный
 Беспечный брошен человек!
 В ночь умозрительных понятий,
 Матерьялистских малых дел,
 Бессильных жалоб и проклятий,
 Бескровных душ и слабых тел!
 С тобой пришли чуме на смену
 Нейрастения, скука, сплин,
 Век расшибанья лбов о стену
 Экономических доктрин,
 Конгрессов, банков, федераций,
 Застольных спичей, красных слов,
 Век акций, рент и облигаций,
 И мало действенных умов,
 И дарований половинных
 (Так справедливей – пополам!),
 Век не салонов, а гостиных,
 Не Рекамье, – а просто дам ...
 Век буржуазного богатства
 (Растущего незримо зла!).
 Под знаком равенства и братства
 Здесь зрели темные дела» [7, с. 24].

В этих изумительных по силе и точности строках и тема железного века, и мотив ухода от романтики в материализм, и развращение человека, и ложь, прикрывающая гуманистические лозунги... И, наконец, противоположность промышленного прогресса человеку, поскольку прогресс приводит к появлению орудий уничтожения людей, ведущих к отчуждению человека от него самого.

Литература

1. Аникин А.В. Первая глава «Евгения Онегина» в произведениях и высказываниях Маркса и Энгельса // Пушкин: исследования и материалы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Л.: Наука, 1986. – Т. 12. – С. 324–334.
2. Аникин А.В. Муза и мамона: социально-экономические мотивы у Пушкина. – М.: Мысль, 1989. – 253 с.
3. Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. – М.: Наука, 1982. – 720 с.
4. Белинский В.Г. Стихотворения Баратынского // Белинский В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Гослитиздат, 1948. – Т. 2. – С. 413–445.
5. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 2. – М.: Наука, 1997. – 896 с.

6. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 3. – М.: Наука, 1997. – 992 с.
7. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 5. – М.: Наука, 1999. – 566 с.
8. Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1957. – 259 с. – (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).
9. Державин Г.Р. Сочинения Державина. Т. 1. Стихотворения, ч. 1. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1864. – 812 с.
10. Державин Г.Р. Сочинения Державина. Т. 2. Стихотворения, ч. 2. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1865. – 736 с.
11. Державин Г.Р. Сочинения Державина. Т. 3. Стихотворения, ч. 3. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1866. – 784 с.
12. Дмитриев П.П. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1967. – 503 с.
13. Добролюбов Н.А. Стихотворения. – М.: Советский писатель, 1948. – (Библиотека поэта. Малая серия. 2-е изд.). – URL: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0210-1.shtml (дата обращения: 01.09.2020).
14. Жемчужников А.М. Поэты 1880–1890-х годов. – Л.: Советский писатель, 1964. – 640 с. – (Библиотека поэта. Малая серия. Изд. 3-е).
15. Кантемир, Антиох. Собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1956. – 540 с. – (Библиотека поэта. Большая серия).
16. Киреевский П.В. Деятельный век // «Европеец», журнал И.В. Киреевского, 1832. – М.: Наука, 1989. – С. 5–20.
17. Крылов П.А. Полное собрание сочинений И.А. Крылова. Т. 3. – М.: ОГИЗ, 1946. – 607 с.
18. Кукольник Н.В. Импровизация I («К чему? Как будто вдохновенье...»), 1832. – URL: http://az.lib.ru/k/kukolnik_n_w/ (дата обращения: 01.09.2020).
19. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 1280 с.
20. Макеев М.С. Николай Некрасов: поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). – М.: МАКС-пресс, 2009. – 236 с.
21. Мей Л.А. Полное собрание сочинений. – СПб.: Н.Г. Мартынов, 1887. – URL: http://az.lib.ru/m/mej_l_a/text_0010.shtml (дата обращения: 01.08.2020).
22. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Т. 1. – Л.: Наука, 1981. – 720 с.
23. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Т. 2. – Л.: Наука, 1981. – 448 с.
24. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Т. 3. – Л.: Наука, 1982. – 511 с.
25. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. – М.; Л.: ГИХЛ, 1950. – 799 с.
26. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. – М.; Л.: ГИХЛ, 1950. – 552 с.

27. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. – М.; Л.: ГИХЛ, 1950. – 598 с.
28. *Ржевский А.А.* Волк-откупщик // Поэты XVIII века. – Л.: Советский писатель, 1958. – С. 342. – (Библиотека поэта. Малая серия. 3-е изд.).
29. *Случевский К.К.* Стихотворения и поэмы. – СПб.: Академический проект, 2004. – 816 с.
30. *Сумароков А.П.* Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1953. – 344 с. – (Библиотека поэта. Малая серия. 3-е изд.).
31. *Толстой А.К.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. – М.: Правда, 1969. – 672 с.
32. *Фонвизин Д.И.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959. – 631 с.
33. *Шевырев С.* Словесность и торговля // Московский наблюдатель. – 1835. – № 1. – URL: http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/text_0031.shtml (дата обращения: 01.09.2020).
34. *Шеголев П.Е.* Пушкин-экономист // Известия. – 1930. – 17 января.
35. *Эткинд Е.* Разговор о стихах. – М.: Детская литература, 1970. – 240 с.
36. *Ястребов А.А.* Богатство и бедность; поэзия и проза денег. – М.: Аграф, 1999. – 525 с.

Статья поступила в редакцию 07.04.2020.

Статья прошла рецензирование 26.04.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-231-259

TO THE IRON AGE OF PROGRESS (THE IMAGE OF ECONOMIC LIFE OF THE COUNTRY IN RUSSIAN POETRY OF THE XVIII – XIX CENTURIES)

Donskikh Oleg,

*Dr. of Sc. (Philosophy), PhD (Monash, Australia), Professor,
Head of the Department of Philosophy and Humanities,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
56, Kamenskaya St., Novosibirsk, 630099, Russian Federation;
Professor, Department of Philosophy,
Novosibirsk State Technical University,
20, K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation;
Professor, Department of Source Studies of Literature and Ancient Languages,
Novosibirsk State University
2, Pirogova St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7297-9754
Researcher ID: B-5328-2018
Author ID (RSCI): 313804
SPIN-code (RSCI): 3205-7470
olegdonskikh@yandex.ru*

Abstract

The author presents the attitude of Russian poets of the XVIII – XIX centuries to different aspects of economic life based on their works. The poetry of the XVIII century was rigidly differentiated by genre, and it was not supposed to reflect the specifics of economic relations in general. The only exceptions were satirical works whose authors criticized, primarily from the moral side, certain aspects of everyday life, and in particular, the practice of tax collectors. Nevertheless, poets did not do without comments about the socio-economic division of society into separate groups, the significance of certain power decisions for the development of the country's economy, and, of course, the role of money and trade in the development of society as a whole and in human lives. Some poems contain curious references to international trade, the development of which, especially in the reign of Catherine II, led some poets to hail progress and even characterize this time as a 'Golden Age'. It is shown how the assessment of the epoch changes during the first half of the XIX century, and how the 'Golden Age' is transformed in common opinion into the 'Iron Age'. The role of economic and socialist theories in the life of society is increasing. A poet of the XIX century descends from the position of an external observer watching the sinful earth and he is horrified to find himself at the mercy of money and related interests, which produce a highly negative effect on morality, subordinating all human aspirations to monetary relations and, therefore, coarsening the soul. We consider the disputes about the progress between the lyric poets and our

quite straightforward Westerners. Alexander Blok sums up a certain result of the social orientation towards purely economic relations and the technological progress associated with it in the poem “Retribution”.

Keywords: Russian poetry, parables, ‘Golden Age’, ‘Iron Age’, industrial development, progress, money, trade.

Bibliographic description for citation:

Donskikh O. To the Iron Age of Progress (The Image of Economic Life of the Country in Russian Poetry of the XVIII–XIX Centuries). *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 2, pp. 231–259. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.2-231-259.

References

1. Anikin A.V. Pervaya glava “Evgeniya Onegina” v proizvedeniyakh i vyskazyvaniyakh Marksa i Engel’sa [First chapter of “Eugenyi Onegin” in the works and sayings of Marx and Engels.]. *Pushkin: issledovaniya i materialy* [Pushkin. Research and Materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 12, pp. 324–334.
2. Anikin A.V. *Muza i mamona: sotsial’no-ekonomicheskie motivy u Pushkina* [The Muse and Mammon. Pushkin’s socio-economic motives]. Moscow, Mysl’ Publ., 1989. 253 p.
3. Baratynskii E.A. *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems. Narrative poems]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 720 p.
4. Belinskii V.G. Stikhotvoreniya Baratynskogo [Baratynsky’s poems]. Belinskii V.G. *Sobranie sochinenii. Sobranie sochinenii*. V 3 t. T. 2 [Complete works. In 3 vol. Vol. 2]. Moscow, 1948, pp. 413–445.
5. Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. V 20 t. T. 2 [Complete works and letters. In 20 vol. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 896 p.
6. Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. V 20 t. T. 3 [Complete works and letters. In 20 vol. Vol. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 992 p.
7. Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. V 20 t. T. 5 [Complete works and letters. In 20 vol. Vol. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 566 p.
8. Bogdanovich I.F. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and narrative poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1957. 259 p.
9. Derzhavin G.R. *Sochineniya Derzhavina*. T. 1. *Stikhotvoreniya*, ch. 1 [Derzhavin’s Works. Vol. 1. Poems, pt. 1]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1864. 812 p.
10. Derzhavin G.R. *Sochineniya Derzhavina*. T. 2. *Stikhotvoreniya*, ch. 2 [Derzhavin’s Works. Vol. 2. Poems, pt. 2]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1865. 736 p.
11. Derzhavin G.R. *Sochineniya Derzhavina*. T. 3. *Stikhotvoreniya*, ch. 3 [Derzhavin’s Works. Vol. 3. Poems, pt. 3]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1866. 784 p.
12. Dmitriev I.I. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1967. 503 p.

13. Dobrolyubov N.A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1948. Available at: http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0210-1.shtml (accessed 01.09.2020).
14. Zhemchuzhnikov A.M. *Poety 1880–1890-*kh* godov* [Poets of 1880–1890 years]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1964. 640 p.
15. Kantemir, Antiokh. *Sobranie stikhotvoreniĭ* [Collection of poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1956. 540 p.
16. Kireevskii I.V. Devyatnadsatsyi vek [The Nineteenth Century]. “*Evropeets*”, *zhurnal I.V. Kireevskogo, 1832* [The European. Kireevsky's journal. 1832]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 5–20.
17. Krylov I.A. *Polnoe sobranie sochinenii I.A. Krylova*. T. 3 [Complete works of I.A. Krylov. Vol. 3]. Moscow, OGIz Publ., 1946. 607 p.
18. Kukul'nik N.V. *Improvizatsiya I* (“*K chemu? Kak budto vdokhnoven'e...*”), 1832 [Improvisation 1]. Available at: http://az.lib.ru/k/kukolxnik_n_w/ (accessed 01.09.2020).
19. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenii*. T. 8. *Poeziya. Oratorskaya proza. Nadpisi. 1732–1764* [Poetry. Oratorical prose. Inscriptions]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1959. 1280 p.
20. Makeev M.S. *Nikolai Nekrasov: poet i predprinimatel' (ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki)* [Nikolai Nekrasov: Poet and Entrepreneur. Essays on the interaction of Literature and Economics]. Moscow, MAKs-press Publ., 2009. 236 p.
21. Mei L.A. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. St. Petersburg, 1887. Available at: http://az.lib.ru/m/mej_l_a/text_0010.shtml (accessed 01.08.2020).
22. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. V 15 t. T. 1 [Complete works and letters. In 15 vol. Vol. 1]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 720 p.
23. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. V 15 t. T. 2 [Complete works and letters. In 15 vol. Vol. 2]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 448 p.
24. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. V 15 t. T. 3 [Complete works and letters. In 15 vol. Vol. 3]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 511 p.
25. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 10 t. T. 2 [Complete works. In 10 vol. Vol. 2]. Moscow, GIKhL Publ., 1950. 799 p.
26. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 10 t. T. 3 [Complete works. In 10 vol. Vol. 3]. Moscow, GIKhL Publ., 1950. 552 p.
27. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 10 t. T. 4 [Complete works. In 10 vol. Vol. 4]. Moscow, GIKhL Publ., 1950. 598 p.
28. Rzhnevskii A.A. Volk-otkupshchik [Wolf-taxfarmer]. *Poety XVIII veka* [Poets of the XVIII-th century]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1958, p. 342.
29. Sluchevskii K.K. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and narrative poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 816 p.
30. Sumarokov A.P. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1953. 344 p.
31. Tolstoi A.K. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 1 [Collection of works. In 4 vol. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1969. 672 p.

32. Fonvizin D.I. *Sobranie sochinenii*. V 2 t. T. 1 [Collection of works. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, GIKhL Publ., 1959. 631 p.
33. Shevyrev S. Slovesnost' i trgovlya [Literature and Trade]. *Moskovskii nablyudatel'*, 1835, no. 1. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/text_0031.shtml (accessed 01.09.2020).
34. Shchegolev P.E. Pushkin-ekonomist [Pushkin – the Economist]. *Izvestiya*, 1930, 17 January.
35. Etkind E. *Razgovor o stikakh* [Talk about Poetry]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1970. 240 p.
36. Yastrebov A.L. *Bogatstvo i bednost'; poeziya i proza deneg* [Wealth and Poverty. Poetry and Prose of Money]. Moscow, Agraf Publ., 1999. 525 p.

The article was received on 07.04.2020.

The article was reviewed on 26.04.2020.